

SHYBYNTAY

ВЫРБАЄМО

90+

shybyntay
Вырубваемое. 90+

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202365

ISBN 9785448353963

Аннотация

Сборник веселых историй из лихих 90-х и бурных нулевых годов, вышедших из-под пера Расула Шыбынтая (shybyntay) и иллюстрированных Игорем Кийко.

Содержание

Молчание, Игнат!	5
Цена приметы	10
Игра на грани фола	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вырубаемое

90+

shybyntay

© shybyntay, 2016

© Игорь Кийко, иллюстрации, 2016

© shybyntay, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5396-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Молчание, Игнат!

Картинка Игоря Кийко

Землянин, житель поселка «Закат Восхода» Сумрайской области Игнат Паганельулы Котенбасов инопланетян никогда не видел. Инопланетяне Котенбасова тоже никогда не видели. Поэтому встреча была потрясающей.

Встретились они ночью, на областной трассе Афиген-

ский – Жаксыбись. Игнат топил на ретро-«Опеле» с фарми от «Мазды» в Афигенский, чтобы снять тугрики в банкомате, которых там оставалось лишь на бензин, хватающий только на обратную дорогу. Зачем он это делал? Да просто дурак.

– Ну давай, есьже, тойёт твою в попель! – рычал землянин, подбадривая старчески похрюкивающий на затяжных подъемах движок активным его педалированием.

Вдруг на одном из долгожданных спусков, когда машина с радостным мазохизмом взвизгнула как троян, раздавленный антивирусом, в свет раскосых фар попал инопланетянин. Затем ещё один. А потом – их дымящееся средство передвижения и нисходящая череда скошенных при падении придорожных столбов. Что до Котенбасова не сразу дошло, поэтому тормозил он долго. Впрочем, тормозил как всегда. Тем не менее инопланетяне «Опель» догнали.

– Мратишка, – сунув хобот в окно, промычал первый, – подмрось в Жаксымись, 200 тугриков с носа.

– Аральский сайгак тебе мратишка, есьже, не видишь, я в другую сторону еду, – опешил Котенбасов.

– Ну так развернись, зёма... за пятихатку... мудь другом, – засопел второй.

– Каспийский олень тебе мруг... тьфу! Альпийский тюлень тебе мудь... – запутался Котенбасов, – И вообще, «подбрось» туда штуку стоит! С носа.

– С носа?! Ты чё, мратан, гонишь?! Нет здесь таких цен!

Думаешь, типа чужие, так можно кидать на мамлос?!

– Ну а типа какие вы?! Незаконные мигранты вы. Есьже. И вас тут все будут кидать на мамлос! А я поехал...

– Стой, чувашка – машляем, разворачивай тачку!

Когда на заднее сидение с трудом забрались две кенгуру-подобные туши и «Опель» с ржавым стоном подвески глубоко просел, Котенбасов впервые понял, что он дурак. Захотелось сказать: «Что вы меня лечите своим «типа мы не чужие», есьже?! Человечьим языком же говорю: «Мне в другую сторону...». Но вместо этого он машинально нажал на газ и сломанные столбы (а далее несломанные) побежали в свете фар назад – в провинциально-паскудный, но такой вдруг родной Афигенский, а он – совсем один на планете землянин Сумрайской области – тупо затрясся в дико темный Жаксыбись с двумя инопланетянами за спиной.

– Дурак человек, – прервал его мысли один из них. – Куда едет, зачем – сам, мля, не ведает.

– А штука с носа? – возразил второй. – Мамлос как амстрагированная мотивация – основа земной цивилизации. Послушайте, – он тронул хоботом плечо Котенбасова, – Игнат Паганельулы, а вы нас часом не мздите?

– Мздю, – честно признался Игнат Паганельулы.

– Потрясающе! Вы слышали, коллега?! Амориген жжот! – сзади смешно забулькали.

– А чего вы хотели, милейший, он же – тормоз! Как впрочем и вся эта демильная планетка, – булькание перешло

в бурное кипение...

Котенбасов, как ржавый гвоздь в трухлявую доску, вбил педаль тормоза в пол! Машина завизжала тремя девушками в бане при виде ввалившегося вдруг волосатого сантехника и встала так резко, что сзади о спинки передних сидений мощно хлопнулись две туши.

– Мля, забыл, у меня же это... – сказал он виновато, – бензин на подсосе, есьже. Короче, нифига не получится.

– Амалдел что ли... Ой, как мольно!

– Млин, ты чё творишь, мратан?! Какой ещё мензин?

– АИ-99, – соврал Игнат Паганелулы. – В Афигенский ехать надо – на заправку.

– А по дороге...

– Нет, – отрезал Котенбасов. – 99-й есьже только в Афигенском.

– А нафига ты есьже таксуешь без мензина?! – заорал один, но другой перебил:

– Ладно, разворачивайся, малван, но запомни: не доставишь в Жаксымись, машку оторвём!

– Тогда две штуки... с носа, – как бы невзначай сказал Котенбасов, выворачивая руль.

– Чё на?! – из-за плеча высунулся хобот и угрожающе помахал перед носом, – Давай, кати скорее, долмоёп.

Однако едва машина поравнялась с местом падения тарелки, как на дороге прямо из воздуха возник шлагбаум. Так внезапно, что «три девушки в бане» едва не сорвали голоса!

К окну водителя подошел инопланетянин, туша которого была усеяна сверкающими полосками.

– Младодарим вас, мратишка, что вернули галактических аферюг, – промычал он. – Какое вознаграждение мудет вам приятно?

– Две штуки с носа мудет, командир... – сказал Игнат Паганельулы, – Минус штуку за разворот на сплошной. Есьже. Но плюс одну за молчание!

Высадив покорно обмякших при виде власти пассажиров, Котенбасов сделал еще один разворот на сплошной и помчался обратно в Жаксыбись. Бензина уже не хватало ни туда, ни сюда, но он об этом не думал. Почему? Да просто потому, что дурак, вдруг понявший, что он – дурак, моментально попадает в перпендикулярную вселенную. То есть к нам. А у нас о такой милимерде не думают. Есьже.

Цена приметы

В общем, пробил я кредит и открыл кафешку. Пусть небольшую, но уютную, недорогую, в людном месте – около рынка. Однако Фортуна, как известно, баба скучная и перед свой не сразу и не всем показывает. Особенно мне. Потому что нет посетителей, и все тут! За целый день человек пять, не больше. Пища пропадает, деньги тают – короче, пролетаю. Слышно даже, как муха случайная летает. И официантка Гуля, позевывая, салфеткой ее по столикам гоняет...

И как-то догонялась: «бзинь!» – вилку на пол смахнула. «Женщина придет», – неприязненно сообщила она. Как все нормальные женщины, женщин она не любила. А по мне хоть ведьма на метле, лишь бы аппетит был, как у коровы. Хотел я Гуле сказать пару ласковых насчет роняния приборов на пол, как в кафе зашла худенькая девушка. «Какие у вас есть салаты?» – сев за столик, скромно поинтересовалась она. И вскоре умяла полную порцию борща, бифштекс с гарниром, салат оливье и два пирожка с чаем. Глядя сбоку на ее мерно работающие челюсти, я погрузился в какой-то транс. Какая-то идея жевалась вместе с этим «оливье» и проталкивалась мне в голову пирожком с капустой. И тут где-то снова бзыкнула муха-сволочь. И ответ был найден, вернее, подсказан этим врагом пищевых заведений!

Едва посетительница вышла, как я подкараулил Гулю, несшую на мойку грязную посуду, и... поставил ей подножку. Она с воплем грохнулась на пол! Пусть простят меня по-

эты, воспевающие слабый пол, но когда ежедневный расход превышает приход, а величина спроса обратно пропорциональна предложению, что при калькуляции дает прогрессирующую процентовку дебиторской задолженности, о какой, блин, этике может идти речь?

Повар-посудомойщица Аня вылетела на шум, и вдвоем мы помогли Гуле встать и собрать посуду. На счастье ничего из фарфора не разбилось. А что коленку официантка расшибла, это ерунда. Зато в зале – это было слышно – появились клиенты. Не глядя туда, я уже знал, что их должно быть непременно трое: – нож – мужик, вилка – баба и ложка... А кто же ложка?

Ложкой оказалась старушка, севшая за угловой столик. Мужик – точно, мужик! – сразу же заказал себе водки, а своей бабе пива. И очень плотный обед. Бабулька же чавкала блинчики – и на том спасибо.

Когда они ушли, я созвал свой персонал. Все мужицкие чаевые щедро оставил прихрамывающей Гуле, угостил Аню сигаретой и, попросив внимания, взял с кухонного стола топорик для рубки мяса. Обе женщины сильно побледнели. «Я же нечаянно», – пролепетала Гуля. «Вот именно, нечаянно. Вот так, да? – сказал я и, резко замахнувшись, ударил по рубочной доске. Нарочно неправильно ударил: топорик соскользнул с жирной поверхности и отлетел к Аниным ногам. Переждав железный звон и полуобморочный визг, командовал: «А теперь все в зал!». Мы встали втроем у стой-

ки – я впереди, две трясущиеся женщины за мной. Я ждал. Тихо жужжала муха...

И открылась дверь! И вошел Он! И сел за стол! Крутой мэн с крутым мобильником и электронным ключиком от джипа. Недоуменно взглянул на нас и потребовал: «Что-нибудь рыбного и бутылку минералки». Я отвел своих на кухню и показал им на валяющийся топорик. И до них дошло!

Пока Аня тайно бегала в соседний ресторанчик за готовой рыбой, Гуля – молодец, схватила на лету! – умудрилась «нечаянно» зацепить локтем сушилку для ложек-вилочек. Тарарам, конечно, был еще тот, но народ пошел! Пошел народ!

К вечеру зал был полон. Базарными торговцами и покупателями, стояночниками и гаишниками, студентами и работягами, менеджерами и бизнесменами, кришнаитами и бродягами, уличными художниками и артистами, проститутками и журналистами... И мы носились, как три Джекки Чана, едва успевая обслуживать эту жрущую и нажирающуюся ораву. Попутно Аня наловчилась ронять под мойку ложки и на плиту поварешки. С вилками же у нее почему-то получалось хуже. Зато у Гули буквально все валилось из рук – особенно ножи: мужиков она любила. Я даже почувствовал что-то вроде спортивной зависти. Нет, вилки-ложки шли у меня неплохо, но топорик, как я ни старался снова его уронить нечаянно, уже фальшивил. Единственный стоящей удачей, личным моим рекордом стал огромный кухонный нож, которым я по-настоящему нечаянно порезался, спешно нарезая хлеб. От боли я рефлекторно отбросил его... – и к нам забрел вдрызг пьяный депутат!

Финалом всей этой вакханалии стало то, что не на шутку разошедшаяся Гуля мимолетом смахнула с микроволновки мой любимый японский сервиз. И я тут словно отрезвел.

Со всей злости звучно шлепнув ее по заднице, я выгреб из раздувшихся карманов передника деньги и отправил рассчитывать и закрываться. Но не тут-то было! Сервиз накликал банкет. Какие-то бандюки закатились орущей толпой, составили в ряд столики, перетащили к себе всех про-

ституток и стали отмечать праздник под названием «Мы их кинули!» Почти до четырех ночи «они кидали их», а потом, кинув весомую пачку денег – на счастье, гля, посуда бьется! – уехали восвояси.

Мы же там и заночевали. Просто упали на единственный диванчик и провалились в сон. Утром меня и Аню разбудил гулькин визг. Радостный визг! Да, было от чего... Весь кухонный стол был завален деньгой. Деньжищей, блин!!!

Мы откупорили шампанское и, сев вокруг стола, стали складывать и пересчитывать навар. Эх, нет приятнее дела на свете, чем монету добавить к монете! Вот когда во мне проснулся поэт и я понял, что ничего не видел эротичнее, чем фиолетовый синяк на коленке у Гули-гулены. И в ее глазницах мне в ответ согласно искрилось шампанское и многократно отражались дензнаки...

Но вдруг они исчезли!

И что-то шлепнулось на пол.

Мы заглянули под стол. На полу веером лежала пачка денег. Почему-то сразу стало так тихо, что было слышно как в неубранном зале сыто жужжит в грязной тарелке та долбаная муха. И тут в дверь сильно постучали!

В этот день нас один за другим посетили санитарный, пожарный, налоговый и финансовый инспекторы, проверяющие из рай— и горакиматов, представители администрации рынка и прочие шакалы капитализма с нечеловеческим лицом. Даже приезжали сыскари – допрашивать о «моей» ноч-

ной мафии, которая, как оказалось, кинула какого-то уважаемого ментами человека. Но они тоже, как и прочие, набрав продуктов, алкоголя и денег, посчитали, что я честен перед законом. А потом заявили местные братки и за такой же взнос оформили мне «крышу». Последней каплей стал какой-то хмырь из союза потребителей, указавший мне на муху, отдыхающую в тарелке. В сердцах я швырнул в нее последнюю пачкой денег и... прихлопнул!

С тех пор что бы мы ни роняли, такого чуда больше не происходило. И я закрыл это дело. И в приметы более не верю!

Игра на грани фола

Ночью меня разбудил звонок в дверь. Мой лучший в жизни порносон был прерван на самом безумном месте. Яростно шурясь, я рывком распахнул дверь, готовый просто убивать – все равно, кого: вооруженных до зубов бандитов или ненор-

мальных домоуправов с неоплаченными счетами наперевес. Но насилию не суждено было свершиться. На пороге стояла... Женщина! Под облегающими шортиками и просторной футболкой вырисовывались формы, достойные кисти трезвого Рембрандта. А губы! Это не губы, а просто праздник какой-то! Они раскрылись и я услышал:

– Простите, ради Бога... Я ваша новая соседка и... Дело в том, что грузчики повредили телевизор, а я... я... обожаю футбол! А сегодня такая игра! Чемпионат мира!!! Ну, вы же меня понимаете, вы же мужчина.

Последнее можно было и не произносить. Сейчас я настолько чувствовал себя Мужчиной, что лучше и не смотреть. А тут сам идет – футбол в одни ворота. Моя головенка приглашающе дернулась, и, бормоча нечленораздельные извинения про неубранную постель, я случайным далматинцем поскакал в свой однокомнатный холостяцкий бордель. Но убрать всю эту порнуху не успел. Она распаренной кенгуихой влетела следом и шлепнувшись на мой расхристаный диван, простонала:

– Ну скорее же... умоляю, давайте!

Ее глазищи, достойные пера раскаявшегося де Сада, буквально терзали мой пошарпанный «Шарп». Я бросился к ее ногам, ища в измятых ночными поллюциями простынях пульт дистанционного управления. О, эти ножки! Но она не дала мне насладиться Эдемом, жарко прошептав:

– Да вот же он лежит, глупенький...

Действительно, проклятый пульт предательски торчал из кипы захватанных журналов с видами на Анфису Чехову. Она ловко схватила его жадными руками и умело, кончиками пальцев, пробежала по трубке. Экран вспыхнул, показав какого-то придурка, в три часа ночи медленно летящего головой на мяч. Тут я вспомнил, что на мне кроме африканских портков, морщинистых, как слоновый зад, ничего приличного нет, и напялил футболку. Благо, гостя буквально дышала на телевизор и не видела моего SOSтояния. Я незаметно подсел рядом и тоже задышал, стараясь потактичнее попадать в такт.

Игра началась! Как бы невзначай мой локоть прижался к ее локотку, и сердца наши помчались наперегонки. Казалось, я был близок к прорыву защиты... Но вдруг партнерша так резко дернулась, что мою правую руку пронзила дикая боль и она повисла плетью.

– Не было нарушения! – возопила она. – Руни же корпусом играл! А этот черт подсуживает!

Я понимающе сморщился: действительно, какого черта. Хотя, между нами, с одной стороны было явное нарушение правил игры. Не в бирюльки же играем. Пришлось изменить тактику: начать атаку от своих ворот. В порыве болельщицкой страсти (и вправду уже болит!) я стал волнующе раскачиваться на скрипучем диване, посекундно прикасаясь к ее знойному телу своим жгучим аргентинским корпусом. Она не прессинговала и я уже считал, что нашел свою игру... как

внезапно мои ноги оторвались от пола!

– Г-о-оо-л! – заорала она, с хрустом ломая своими хрупкими руками мою еще более хрупкую шею.

О. как она извергалась! Гормоны ударили мне в голову, и я, обхватив это трепещущее тело, едва не последовал примеру футболистов, густой толпой покрывавших своего парнишу – противного! – забившего этот чертов гол. Едва! Ибо в тот же момент она снесла меня в угол дивана и моментально ушла в созерцание повтора.

Разбив второй локоть об деревянную ручку дивана, я некоторое время катался там, как какой-нибудь Самуэль Этоо, пытаюсь привлечь внимание к своей травмированной персоне. Куда там! Она в упор не замечала Этоо. Глядя из-за угловой отметки на эти высокомерные бомбардирские груди, я пришел в неистовство.

Я покажу тебе камерунский напор! – думал я, медленно, но верно разворачиваясь по левому флангу. – Ты у меня испытаешь на себе немецкую машину! – мысленно обещал я, делая замену покалеченных рук на свои неотразимые марадоновские ноги волосатые. Но едва я – по сантиметру! – дошел большим пальцем правой ноги до ее «шипов», как весь этот педикюр вонзился в меня. С предсмертным криком она упала навзничь, и я понял: счет сравнялся!

Подобно взрывному Насри я бросился вперед! Вокруг грохотали вскочившие трибуны! И я... я промазал. Промазал с близкого расстояния, почти войдя во вратарскую пло-

щадку. Как юркий Месси, эта баба выскользнула из моих клещей, и я уперся шнобелем в взлохмаченный газон постылого дивана. На Насри я был похож теперь только фамилией. А вокруг возмущенно грохотали в стены проснувшиеся соседи. Мне же было отнюдь не легче.

– Ах, так ты за них болеешь, да?! – рвала на мне футболку и цеплялась за трусы эта фурия. – Думаешь, мяч отквитали – можно бегать и обниматься?! Предатель! Су... судью на мыло!

Я не сопротивлялся такому чисто бразильскому насилию. Я был уже изнасилован – своим промахом. И безразлично лежал Грином, пропустившим мяч в свои ворота, пока эта подлюка прыгала по мне. Но вдруг она успокоилась и протянула руку:

– Ладно, вставай, игра есть игра.

О, спорт – ты мир! Мы сели рядышком и как гондурасский боров с юноафриканской буренкой умиротворенно проорали все дополнительное время. Я уже тянул время (впереди-то еще полночи!) и даже сбегал к холодильнику за соком для нее. Однако спортивное счастье переменчиво. Вопреки моим подспудным желаниям послематчевое пенальти выиграла «моя» – вот же сволочи! – команда. И вместо ласки победительницы я получил ярость проигравшей: она вылила мне на голову апельсиновый сок и я стал похож на выжатого Бербатова. Но потом она печально встала и – оле-оле-оле!!! – со вздохом сняла футболку.

О, пресвятая дева Сименович! Я все-таки выиграл! И я мигом сорвал свои лохмотья и мужественно подошел к ней. И тут... она повесила мне на плечо свою футболку и, взяв мою, побрела к двери. Вытирая пот этой пахнувшей женщиной тканью, я устало смотрел ей вслед. А на экране гонялась друг за другом и счастливо обнималась толпа полуголых, как я, мужиков. И я вдруг подумал: а может, пора менять ориентацию?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.